

Научная статья

УДК 343.9 © П. Н. Кобец,
К. А. Краснова
DOI: 10.24412/2225-8264-
2024-3-826

НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Кобец П. Н.¹

Краснова К. А.²

Ключевые слова: цифровое общество, законодательные модели, инновационное развитие, цифровые технологические процессы, правовое регулирование, законотворческая деятельность, законодательные основы, специальные законодательные нормы, предупреждение преступности, искусственный интеллект

Keywords: digital society, legislative models, innovative development, digital technological processes, legal regulation, legislative activity, legislative framework, special legislative norms, crime prevention, artificial intelligence

¹Кобец Петр Николаевич

— доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности, ВНИИ МВД России, полковник полиции, почетный сотрудник МВД России (Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1)
E-mail: pkobets37@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6527-3788

²Краснова Кристина Александровна

— кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5)
E-mail: krasnova_vnii@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1545-8025

Поступила в редакцию:
22.07.2024

Аннотация. Развитие правовых основ, направленных на продвижение применения и совершенствования технологий искусственного интеллекта, вне всякого сомнения, будет только способствовать созданию единых правил по регулированию общественных отношений, связанных с применением новых технологий. Кроме того, эти процессы также обеспечат безопасность и развитие экономической и социальной сферы. В связи с этим авторским коллективом была предпринята попытка по анализу отечественных и зарубежных подходов, направленных на построение универсальных моделей первого регулирования обозначенных технологий. В процессе исследования авторами отмечается, что современное исследование в сфере искусственного интеллекта развивается в двух основных направлениях: логическом и нейрокибернетическом. В том числе в источниках отечественной и зарубежной литературы можно встретить упоминание искусственного сверхинтеллекта, при этом также предлагаются разнообразные определения анализируемых технологий, которые на основе ряда критериев условно разделяются на различные категории. В то же время одним из актуальных вопросов, требующий своего разрешения в современной юридической науке, является правовой статус данных технологий. Поэтому российскими и зарубежными правоведами разработано ряд подходов к данной проблеме, которые раскрываются в процессе данного исследования. В процессе исследования также изучены позиции ученых относительно существования так называемого жесткого и мягкого права. При этом авторами, в частности, отмечается, что разница между ними состоит в наличии регуляторов, которые зафиксированы в законодательных системах. Анализируя международные документы в сфере анализируемых технологий, авторам становится очевидно, что по отношению к ним, как правило, применяются мягкое право. В связи с этим ими отмечается, что проблематика, связанная с правовым регулированием технологий по искусственному интеллекту, вызывает множество вопросов, на которые пока что можно с уверенностью ответить, руководствуясь положениями мягкого права. В заключении делается вывод о том, что в нашей стране с каждым годом все острее ощущается необходимость принятия специальных законодательных норм, регламентирующих сферу новых технологий, которые находятся на стадии активного развития и весьма далеки от своего полного совершенства. Поэтому было бы логичным в настоящее время преимущественное использование мягкого права по регулированию правоотношений, возникающих в сфере анализируемых технологий. Однако в дальнейшем необходимо стремиться к созданию целостной системы специальных правовых норм и отдельных законодательных актов, которые бы дополняли правовые основы, закрепляющие принципы функционирования рассматриваемых технологий.

SCIENTIFIC PRINCIPLES FOR CONSTRUCTING OPTIMAL MODELS OF LEGISLATIVE REGULATION OF TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Peter N. Kobets

Doctor of Law, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Kristina A. Krasnova

Candidate of Law, Associate Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. The development of a legal framework aimed at promoting the use and improvement of artificial intelligence technologies, without any doubt, will only contribute to the creation of uniform rules for regulating public relations related to the use of new technologies. In addition, these processes will also ensure security and development of the economic and social sphere. In connection with this, the team of authors made an attempt to analyze domestic and foreign approaches aimed at building universal models for the first regulation of the designated technologies. In the process of research, the authors note that modern research in the field of artificial intelligence is developing in two main directions: logical and neurocybernetic. In particular, in sources of domestic and foreign literature one can find references to artificial

superintelligence, while various definitions of the analyzed technologies are also offered, which, based on a number of criteria, are conventionally divided into different categories. At the same time, one of the pressing issues that requires resolution in modern legal science is the legal status of these technologies. Therefore, Russian and foreign legal scholars have developed a number of approaches to this problem, which are revealed in the process of this research. The research also examined the positions of scientists regarding the existence of so-called hard and soft law. At the same time, the authors, in particular, note that the difference between them lies in the presence of regulators, which are fixed in legislative systems. Analyzing international documents in the field of the analyzed technologies, it becomes obvious to auto frames that soft law is usually applied to them. In this regard, they note that the issues associated with the legal regulation of artificial intelligence technologies raise many questions, which for now can be answered with confidence, guided by the provisions of soft law. In conclusion, it is concluded that in our country every year there is an increasingly acute need to adopt special legislative norms regulating the sphere of new technologies, which are at the stage of active development and are very far from their full perfection. Therefore, it would be logical at present to preferentially use soft law to regulate legal relations arising in the sphere of the analyzed technologies. However, in the future it is necessary to strive to create an integral system of special legal norms and individual legislative acts that would complement the legal framework that establishes the principles of functioning of the technologies under consideration.

В настоящее время многими мировыми державами такими как Великобританией, Данией, Индией, Италией, Китаем, Мексикой, Сингапуром, Швецией, Францией, Южной Кореей, Японией и др. (всего порядка тридцати стран, но их количество продолжает увеличиваться) в середине — конце 2010-х гг. приняли стратегии, направленные на продвижение применения и совершенствования технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ, новые технологии).

Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 утвердил отечественную Стратегию научно-технологического развития, которая среди приоритетов и дальнейших перспектив по научно-технологическому развитию нашей страны определила основные векторы, при помощи которых возможно будет достичь требуемых научных и научно-технических результатов, при этом также разработать и внедрить такие технологии, которые выступят в качестве основы по инновационному развитию российского рынка продуктов и услуг, стабильного состояния Российской Федерации на зарубежных рынках, будут способствовать обеспечению перехода на новые цифровые производственные технологические процессы, роботизированные системы, машинному обучению и ИИ [1, с. 170].

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании к Федеральному собранию Российской Федерации в марте 2018 г. особо отмечалась необходимость запуска масштабной национальной программы, связанной с развитием ИИ. Им также был отмечен важность создания продвинутой научной инфраструктуры, которая бы способствовала Российской Федерации выходу в лидеры совместно с рядом экономически развитых держав по-научному и технологическому направлению. Обозначенная в Послании позиция В. В. Путиным также была подтверждена и во на проведенном им совещании, которое было посвящено развитию технологических процессов в сфере искусственного интеллекта 30 мая 2019 г., где им было указано что, «во-первых, соперничество относительно технологического лидерства в области искусственного интеллекта превратилось в поле глобальной конкуренции, во-вторых, скорость подготовки новейших продуктов и решений растет в геометрической прогрессии, в-третьих, кто обеспечит монополию в сфере искусственного интеллекта, тот обеспечит собственную власть над миром» [2, с. 38].

Национальной стратегией развития ИИ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» дается определение понятию искусственного интеллекта в качестве «комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [3].

В мае 2023 г. на рассмотрение Межпарламентской Ассамблеи СНГ парламентариями Республики Беларусь был впервые представлен на рассмотрение Межпарламентской ассамблеи СНГ проект Модельного закона об ИИ, который послужит началом системы по правовому регулированию общественных отношений в сфере развития и использования данных технологий. Главной задачей обозначенного законопроекта является «обеспечение благоприятных правовых и организационных условий для развития технологий искусственного интеллекта, а также формирование единого рынка законных, безопасных и заслуживающих доверия приложений» [4]. Законопроект также направлен на развитие обеспечения безопасности рассматриваемых технологий и содействия международному сотрудничеству в сфере их внедрения и повышения цифровой грамотности общества. По мнению разработчиков, после принятия данный закон должен вступить в качестве опережающего механизма по использованию современных информационных технологий на пространстве Содружества.

18 апреля 2024 г. на Заседании Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи СНГ по науке и образованию был одобрен проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». В дальнейшем данный документ будет способствовать созданию единых правил по регулированию общественных отношений, связанных с применением новых технологий. В том числе он также поспособствует улучшению жизни людей, обеспечит их безопасность и развитие экономической и социальной сферы. В соответствии с

ним в государствах Содружества установится единое определение, а также основы по использованию новых технологий, что в свою очередь поспособствует созданию единого пространства по развитию данных технологий — важнейшей части инновационного экономического развития СНГ. Разработка и принятие данного документа позволит уменьшить как экономические, так и административные расходы на внедрение новых технологий [5].

Отечественными учеными научные исследования в сфере искусственного интеллекта разделяются на различные группы. Так, в частности это вопросы, которые касаются природы, возможностей и прогнозирования использования технологий ИИ, рассмотренные в работах отечественных специалистов, а именно А. А. Васильева, А. А. Жданова, И. В. Понкина, А. И. Редькиной, В. Ф. Хорошевского, и др. Вопросы, исследующие правосубъектность применения технологий на основе искусственного интеллекта были рассмотрены в трудах С. Н. Гринь, Д. С. Гришина, Г. А. Гаджиева, И. Н. Кукушина, В. Б. Наумова, А. В. Нестерова и др. Проблематика вреда причиненного технологиями на основе ИИ и вопросы ответственности за него описаны в работах К. О. Белякова, Е. Н. Ирискиной, Т. М. Лопатиной, А. В. Нестерова, О. А. Ястребова и др. Положения по возможному применению технологий по искусственному интеллекту в практической деятельности юристов и правоохранителей исследованы П. Н. Кобецом, А. В. Поповой, Д. В. Смолиным, и др. Частные юридические вопросы по использованию технологий ИИ рассматривались в юридической литературе крайне редко, так например вопросы затрагивающие интеллектуальную собственность рассматривались в трудах П. М. Морхата.

Сразу же хотелось бы отметить, что современное исследование в сфере искусственного интеллекта развивается в двух основных направлениях — логическом и нейрокибернетическом. Логическое направление создает прикладной, или же как его называют — слабый искусственный интеллект, а нейрокибернетическое направление трудится над решением задачи по созданию универсального, опять же называемого в просторечии — сильного искусственного интеллекта, который по мнению ученых в дальнейшей перспективе может стать аналогом человеческого мозга, который будет обладать возможностями по решению самых сложных интеллектуальных проблем [6, с. 145].

В источниках отечественной и зарубежной специальной литературы встречается также упоминание и искусственного сверхинтеллекта. По мнению зарубежных ученых, употребляющих данный термин «искусственный сверхинтеллект имеет возможность в разы превзойти интеллект любых самых способных людей» [7, с. 70]. Причем многие авторы, рассматривающие вопросы искусственного сверхинтеллекта, полагают «что сверхразум может представлять собой интеллект, который значительно будет превосходить когнитивные возможности человека практически во всех областях, а коллективный сверхразум может быть интегральной системой, включающей огромное количество подоб-

ных интеллектов, имеющих более низкий уровень, чем сверхинтеллект» [8, с. 91].

Сегодняшняя научно-исследовательская литература предлагает разнообразные определения ИИ, которые условно разделяются на некоторые категории, на основе ряда критериев, таких как «мыслить по-человечески [9, с. 58], мыслить рационально, действовать по-человечески, действовать рационально [10, с. 392]. Между тем наличие имеющихся научно-теоретических разработок в сфере искусственного интеллекта, не позволяет говорить о скором разрешении всех имеющихся проблем правового регулирования данной области» [11, с. 89].

Важным из проблемных вопросов требующий своего разрешения в современной юридической науке с последующим определением в правовое поле является правовой статус технологий ИИ. В этой связи особо хотелось бы отметить, что с 2017 г. действуют Азильмарские принципы, которые являются составляющей этической основой работы в сфере ИИ. Благодаря этим принципам идет выстраивание ориентиров, которым необходимо следовать тем, кто разрабатывает и финансирует технологии в сфере ИИ. Особая роль в данном вопросе отведена проблематике по правовому регулированию ИИ. Также немаловажно отметить, что некоторые зарубежные правоведы склонны считать, что необходимо заниматься разработкой кодифицированного акта регулирующего правоотношения в сфере высоких технологий и соответственно ИИ.

Российскими правоведами разработано ряд подходов к данной проблеме. В соответствии с первым статус ИИ необходимо приравнивать к физическому лицу, а второй подход основан на необходимости приравнивания статуса рассматриваемых технологий к статусу животного [12, с. 157]. Третий подход предлагает приравнивать искусственный интеллект юридическим лицам [13, с. 64]. Специалистами «гражданского права» разработали два подхода к решению этого вопроса: технологический и формально-юридический, а сторонники формально-юридического утверждают, что сам ИИ не может быть субъектом гражданского права, потому как его можно рассматривать лишь как некий объект правоотношений» [14, с. 9]. Сторонники технологического подхода полагают, что следует вносить необходимую корректировку «в нормы действующего законодательства чтобы ввести институт электронного лица с элементами ограниченной право-субъектности и тогда, это лиц будет наделено ограниченной право-субъектностью» [15, с. 42].

Важно отметить, что, например, «Рекомендациями Комиссара Совета Европы по правам человека 10 шагов для защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта, под искусственным интеллектом понимается совокупность научных областей, теорий и методов, которые занимаются повышением способности машин выполнять действия, требующие интеллекта» [16].

Сегодня также существуют несколько основных зарубежных подходов по определению ИИ, «в рамках первого из которых авторами берется за основу человеческий мыслительный процесс, в соответствии

с которым и должны создаваться, и развиваться данные технологии, приобретая способность мыслить и обучаться, в основе второго подхода преобладает поведение человека, в соответствии с данным подходом ИИ может обладать способностью к действиям, для реализации которых необходим разум, в качестве основ по третьему и четвертому подходам, выступает рациональное мышление и рациональное поведение» [17, с. 127].

Подобные походы к ИИ определяется и в ряде источников литературы, в которых утверждается, что ИИ является «автономной интеллектуальной системой, обладающей способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумуляирования, накопления, изучения и использования информации, имеющую материальное выражение в технических устройствах — юнитах» [18, с. 90]. Данное определение многие отечественные эксперты расценивают как одно из самых удачных, потому как оно «чрезвычайно точно отражает особенности когнитивных механизмов человека» [19, с. 31].

Между тем, отдельными авторами понятие ИИ связывается с вычислительными машинами, которые выполняют функционал, требующий интеллектуальных способностей, другими с интеллектуальными компьютерными программами [20, с. 270], третьими «с автономными самоорганизующимися кибернетическими компьютерно-программно-аппаратными системами» [21, с. 95], «либо киберфизическими системами» [22, с. 76].

Многие исследователи полагают, что в одних случаях искусственный интеллект необходимо рассматривать исключительно в качестве технических средств, обладающих правовым режимом вещи, а в других случаях за ним следует признавать «статус электронного лица, по аналогии с юридическими лицами, посредством использования приемов правовой фикции» [23, с. 17]. В то же время, как полагает еще одна группа экспертов, подобный подход не может отвечать всей сущности искусственного интеллекта, поскольку его квалификация, как объекта права не учитывает наличия способностей к мыслительным процессам и соответственно принятию самостоятельных решений. Что касается второго случая, то в данной ситуации имеется ввиду более глубокое восприятие искусственного интеллекта, а именно в качестве личности, которая, подобна человеческой [24, с. 25]. Между тем, в настоящее время чрезвычайно сложно говорить о каких-то этических основах принципов юридической ответственности в том числе законности, справедливости, гуманизма, целесообразности, презумпции невиновности применительно к рассматриваемым технологиям [25, с. 17].

Следует отметить, что современные исследователи рассматриваемой проблематики все чаще задаются вопросом, а можно ли заниматься правовым регулированием технологии разработанных на основе ИИ на таких же механизмах, по которым осуществляется регулирование остальных областей человеческой жизнедеятельности [26, с. 121]. При этом современная научная

литература располагает мнениями ученых относительно существования так называемого жесткого и мягкого права, а разница между ними состоит в наличии регуляторов, которые зафиксированы в законодательных системах. Основу системы жесткого права составляют следующие виды правовых норм: управомочивающие, запрещающие и обязывающие, одним словом, которые подразумевают выраженную волю субъектов правоотношений. При этом следует заметить, что настоящее развитие искусственного интеллекта не позволяет рассуждать вообще о наличии какой-то его воли. В этой связи разрешительные, обязательные и рекомендательные правовые нормы, пока что невозможно соотносить с технологиями, которые имитируют человеческие возможности, и поэтому абсолютно очевидно, что законодательные нормы в том виде, о котором ведется речь не могут соотноситься с искусственным интеллектом как со сложно определенной категорией.

Современная научная литература также демонстрирует проявление большого интереса у ученых к мягкому праву. Так, например, по мнению ряда современных исследователей мягкое право идентично живому праву [27, с. 301]. Право им «представляется в виде следующих элементов социально-действенных правил поведения, объективированных в правовых нормах, общедоступных, систематизированных профессиональными юристами на основе общих принципов, санкционированных и приводимых в исполнение государством, постоянно изменяемых, сознательно приспособляемых к изменениям общественной жизни профессиональными юристами» [28, с. 45].

И если жесткое право создает обязанности к определенному поведению всех сторон правовых отношений, требуя их выполнения, угрожая при неисполнении использованием различных санкций, то мягким правом тоже создаются обязанности, но при этом требований по их исполнению с правовых позиций в мягком праве не имеется. При этом способы соблюдать мягкое право также имеются. Для этого на глобальном уровне различными международными организациями создаются нормы рекомендательного характера, которые отражают необходимость соблюдения определенного поведения. Нормы такого поведения закреплены различными правилами, стандартами, этическими кодексами и др., и субъектам правоотношений приходится жестко следовать обозначенным в перечисленных документах требованиям, потому что в случае несообщения данных правил, нарушителей могут отнести в разряд неблагонадежных, что существенно скажется на их репутации.

Обозначенные выше позиции правоприменения мягкого права по большей части, свойственны для стран использующих англо-американскую систему права, а также для ряда европейских государств [29]. Механизмы таких подходов сводятся к подготовке различных рекомендаций, которые не обязательно исполнять с правовой позиции, но при этом их выполнение находится под контролем различных общественных объединений, либо организаций, которые специально созданы для этих целей, при этом в их функционал входят меры контроля за выполнением обозначенных

правил и составление докладов и отчетов. Анализ таких докладов способствует совершенствованию содержательной части положений мягкого права в целях лучшего выполнения его норм. Такие нестандартные способы к выполнению норм рекомендательного характера называются *naming and shaming*, их практикуют только в Европейском союзе и в организации экономического сотрудничества.

Анализируя международные документы в сфере ИИ, становится очевидно, что по отношению к нему как правило применяют мягкое право. И как отмечают зарубежные исследователи, проблематика, связанная с правовым регулированием технологий по искусственному интеллекту, вызывает множество вопросов, на которые можно ответить только, руководствуясь положениями мягкого права, поскольку, используя правовые системы разных стран невозможно добиться единого подхода к регулированию правоотношений, возникающих в сфере ИИ [30, с. 7].

Сегодня в нашей стране стоит задача принятия специальных законодательных норм, регламентиру-

ющих сферу ИИ, при этом данные технологии в настоящее время находятся на стадии своего развития и далеки от совершенства, в этой связи было бы логичным преимущественное использование мягкого права по регулированию правоотношений, возникающих в сфере ИИ. Естественно, что и применение традиционных мер по регулированию технологий на основе ИИ должно безусловно быть и также активно развиваться вместе с развитием обозначенных технологий.

Логично предположить, что в нашей стране мягкое право могло бы использоваться лишь на первоначальном — переходном этапе к механизму правового регулирования ИИ на основе жесткого права. Поэтому в дальнейшем следует стремиться к созданию системы специальных правовых норм, которые бы дополняли принятые правовые акты закрепляющие принципы функционирования технологий на основе ИИ, а также регулирующие использование рассматриваемых технологий в различных сферах жизнедеятельности российского общества, которые определяет отечественная Концепция развития ИИ.

Список источников

1. Акбашев О. Ф., Алексеев К. В., Беркут В. П. и др. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48). С. 158–191.
2. Попова А. В., Горохова С. С., Азнагулова Г. М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3(57). С. 37–43.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Белорусские ученые создали проект модельного закона, регулирующего область искусственного интеллекта — он должен помочь развивать и использовать на просторах СНГ новые разработки на основе этой технологии. URL: <https://myfin.by/stati/view/v-belarusi-podgotovili-dla-vsego-sng-modelnyj-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte> (дата обращения: 22.07.2024).
5. Одобрен проект модельного закона СНГ по использованию искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://spi-cis.ru/novosti/odobren-proekt-modelnogo-zakona-sng-po-ispolzovaniyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 22.07.2024).
6. Кобец П. Н. Криминологическая оценка возможных рисков при условии развития технологий «сильного» искусственного интеллекта // Философия права. 2024. № 1(108). С. 142–148.
7. Good I. J. Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine // Advances in Computers. 1966. Vol. 6. P. 31–88.
8. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
9. Bellman R. E. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 146 p.
10. Poole D., Mackworth A.K., Goebel R. Computational intelligence: A logical approach. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998. 576 p.
11. Афанасьевская А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141). С. 88–92. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92.
12. Архипов В. В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
13. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63–72. DOI: 10.17223/23046082/10/7.
14. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
15. Макаров О. В. Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 39–43.
16. Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека. Совет Европы, май 2019 г. URL: <https://rm.coe.int/-/16809a42e4>. (дата обращения: 22.07.2024).

17. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. New Jersey: Prentice Hall, 1995. 905 p.
18. Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. «Искусственный интеллект» как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 79–91.
19. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 31–38.
20. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М., 2012. 664 с.
21. Понкин А. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. С. 91–109.
22. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 75–80.
23. Эндрю А. Искусственный интеллект / Под ред. и с предисл. Д. А. Поспелова. М.: Мир, 1985. 264 с.
24. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6(104). С. 23–26. DOI: 10.14258/izvasu(2018)6-03.
25. Кобец П. Н. О важности развития правовой доктрины, юридических понятий и конструкций в процессе эволюции технологий искусственного интеллекта // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1(45). С. 13–19.
26. Кобец П. Н. Зарубежные и отечественные подходы к законодательному регулированию общественных отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4(100). С. 119–126. DOI:10.35750/2071-8284-2023-4-119-126.
27. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 292–305.
28. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 43–51.
29. Yakovleva S. Open Method of Coordination: an Instrument to Overcome the Failures of Hard Law? URL: <http://www.hse.ru/en/news/49762249.htm> (дата обращения: 22.07.2024).
30. Marchant G. E., Wallach W. Introduction. In Emerging Technologies: Ethics, Law and Governance. Association for the Advancement of Artificial Intelligence, 2018. P. 1-12.

References

1. Akbashev O. F., Alekseev K. V., Berkut V. P., et al. Review of the II All-Russian scientific and practical conference "Legal support of national security. In memory of A. A. Prokhozhev" (RANEP, Moscow, April 21, 2023). *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport law and safety*. 2023; 4(48): 158–191. (In Russ.).
2. Popova A. V., Gorokhova S. S., Aznagulova G. M. Theoretical and legal approaches to defining the system of principles of legislative regulation of artificial intelligence at the present stage of development of the rule of law. *Pravoye gosudarstvo: teoriya i praktika = Rule of law: theory and practice*. 2019; 3(57): 37–43. (In Russ.).
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // SZ RF. 2019; 41. Art. 5700.
4. Belarusian scientists have created a draft model law regulating the field of artificial intelligence - it should help develop and use new developments based on this technology in the CIS. URL: <https://myfin.by/stati/view/v-belarusi-podgotovili-dla-vsego-sng-modelnyj-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte>.
5. The draft model law of the CIS on the use of artificial intelligence has been approved. URL: <https://spi-cis.ru/novosti/odobren-proekt-modelnogo-zakona-sng-po-ispolzovaniyu-iskusstvennogo-intellekta>.
6. Kobets P. N. Criminological assessment of possible risks under the condition of development of technologies of "strong" artificial intelligence. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2024; 1 (108): 142–148. (In Russ.).
7. Good I. J. Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine. *Advances in Computers*. 1966. Vol. 6: 31–88. (In Russ.).
8. Bostrom N. Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p.
9. Bellman R. E. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 146 p.
10. Poole D., Mackworth A.K., Goebel R. Computational intelligence: A logical approach. Oxford, UK: Oxford University Press, 1998. 576 p.
11. Afanasyevskaya A.V. Legal status of artificial intelligence. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021; 4 (141): 88–92. (In Russ.). DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92.
12. Arkhipov V.V. On some issues of the theoretical foundations for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal capacity. *Zakon = Law*. 2017; 5: 157–170. (In Russ.).
13. Iriskina E. N., Belyakov K. O. Legal aspects of civil liability for harm caused by the actions of a robot as a quasi-subject of civil law relations. *Gumanitarnaya informatika = Humanitarian informatics*. 2016; 10. pp. 63–72. (In Russ.). DOI: 10.17223/23046082/10/7.

14. Gurko A. Artificial intelligence and copyright: a look into the future. *Intellectual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2017; 12: 7–18. (In Russ.).
15. Makarov O. V. Subjects of civil law: the present and the future. *Arbitrazhny`j i grazhdanskij process = Arbitration and civil procedure*. 2017; 3: 39–43. (In Russ.).
16. Unlocking Artificial Intelligence: 10 Steps to Protect Human Rights. Council of Europe, May 2019. URL: <https://rm.coe.int/-10-/16809a42e4>.
17. Russell S., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. New Jersey: Prentice Hall, 1995. 905 p.
18. Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V. "Artificial Intelligence" as a Legal Category: A Doctrinal Approach to Developing a Definition. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2020. Vol. 14; 1: 79–91. (In Russ.).
19. Khisamova Z. I., Begishev I. R. History of formation and theoretical and legal approaches to the interpretation of the concept of "artificial intelligence". *Altayskiy yuridicheskiy vestnik = Altai legal bulletin*. 2020; 3 (31): 31–38. (In Russ.).
20. Bolotova L. S. *Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: textbook*. Moscow, 2012. 664 p.
21. Ponkin A. V., Redkina A. I. Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences*. 2018: 91–109. (In Russ.).
22. Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Cyber-physical, cyber-biological and artificial cognitive systems: essence and legal properties. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2019; 3: 75–80. (In Russ.).
23. Andrew A. *Artificial Intelligence* / Ed. and with a foreword by D. A. Pospelov. Moscow: Mir, 1985. 264 p.
24. Vasiliev A. A., Shpopov D. Artificial Intelligence: Legal Aspects. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Altai State University*. 2018; 6(104): 23–26. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2018)6-03.
25. Kobets P. N. On the Importance of Developing Legal Doctrine, Legal Concepts, and Constructions in the Process of Evolution of Artificial Intelligence Technologies. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik = Altai Legal Bulletin*. 2024; 1(45): 13–19. (In Russ.).
26. Kobets P. N. Foreign and Domestic Approaches to Legislative Regulation of Public Relations in the Sphere of Application of Artificial Intelligence Technologies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023; 4(100): 119–126. (In Russ.). DOI:10.35750/2071-8284-2023-4-119-126.
27. Savigny F. C. von. *The System of Modern Roman Law*. T. 1. M.: Statut, 2011. P. 292–305.
28. Fogelson Yu. B. Soft law in modern legal discourse. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*. 2013; 9: 43–51. (In Russ.).
29. Yakovleva S. Open Method of Coordination: an Instrument to Overcome the Failures of Hard Law? URL: <http://www.hse.ru/en/news/49762249.htm>.
30. Marchant G. E., Wallach W. Introduction. In *Emerging Technologies: Ethics, Law and Governance*. Association for the Advancement of Artificial Intelligence, 2018: 1–12.